

РУССКАЯ ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ДВИЖЕНИЕ «МОЛОДАЯ РОССИЯ ЧИТАЕТ»
ПРОЕКТ «РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ ПО ДЕТСКОМУ ЧТЕНИЮ»

Подсказки для взрослых

Приложение для родителей, воспитателей, учителей
и библиотекарей к журналу «Читайка» № 7, 2010

Тамара Дмитриевна ПОЛОЗОВА,
*доктор педагогических наук, член-
корреспондент Российской академии
образования, член Союза писателей России*

О ВЛАСТИ ИСКУССТВА СЛОВА И ЦЕННОСТИ ЧТЕНИЯ **отрывок из книги**

В ходе роста молодого поколения его сознание складывается в ряд качественно своеобразных типов, между которыми существует большое количество переходных форм. Наряду с другими сторонами сознания это также и типы эстетического отношения к действительности. Литература обращается к вполне определенному кругу читателей с определенным типом «внутренней позиции». Писатель стремится передать подрастающему поколению истину об эпохе и при этом озабочен тем, чтобы истинная сущность эпохи выступила в детской натуре как нормальность детского развития. В силу индивидуальных особенностей таланта «детского писателя» сфера детских эстетических отношений является для него главной сферой художественного творчества. Ему необходимо быть знатоком и живым соучастником работы детского сознания в целом, поскольку в литературе общественный человек выступает в самых разнообразных индивидуальных аспектах, в единстве различных сторон его сознания и жизнедеятельности.

В быту слово «тайна» неудобно для употребления — оно слишком приподнято. Взрослый человек, как правило, относится к нему снисходительно-иронически: подумаешь, «тайна»... В детстве это слово необыкновенно важно. Обладает спектром значений — от самых конкретных до самых неопределенных. Выражает главным образом веру в непосредственную близость того, что в общей форме называется «счастьем» и что в действительности трудно достижимо: «Старший брат Николенька был на шесть лет старше меня... Так вот он-то, когда нам с братьями было — мне пять, Митеньке шесть, Сереже семь лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми; не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями...

Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги на краю оврага Старого Заказа...»(1).

Какое причудливое сочетание реальности и фантастики, конкретности и неопределенности! Муравейные братья (вместо моравских братьев), потому что нет более реального прообраза содружества людей, чем хлопотливая и целесообразная «муравейная» жизнь. И безмерная фантастика: магическая зеленая палочка, на которой надо только прочесть тайну — и все станут счастливыми. Адрес тайны абсолютно точен: «зарыта у дороги на краю оврага Старого Заказа». Счастье же, которое придет на землю посредством зеленой палочки, сияет в тумане неопределенности («не будет... никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться...»)... Возраст очарованно внимающих рассказу о зеленой палочке: пять, шесть и семь лет.

Вымысел Николеньки обладал, очевидно, огромной воспитательной силой, потому что «зеленая палочка» сопровождала Льва Николаевича Толстого всю его жизнь. Подводя итог долгих лет жизни и творчества, он утверждал: «Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же. И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает»(2).

Разве «зеленая палочка» — исключение? Наоборот: типично, что детские мечтания об исполнении желаний — первоначальная форма идеала, представления о прекрасной, счастливой жизни — облакаются в форму «тайны». И никакой «наплыв» знаний об окружающем пяти-восьмилетнего ребенка мире до поры до времени не колеблет этой закономерности. Да, современный «старший дошкольник» и «младший школьник» более информированы о сложном мире Земли и космоса, чем герои повести «Детство» Л.Н. Толстого. Тягач и экскаватор, спутник и электровоз, компьютер — эти и многие другие слова произносятся без запинки обита-

телями детских садов. В мире их мечтаний космические корабли, электровозы, видики... И все же...

Типичность конкретного и в то же время «магического» характера мечты об исполнении желаний у детей, еще не достигших отрочества, живо проявляется в выборе ими книг для чтения. Любимое чтение детей — сказка. В самом раннем читательском возрасте волшебство, которое проявляется в различных образах и мотивах народной и литературной сказки (Сивка-бурка, Конек-горбунок, Золотая Рыбка, царевна Лебедь, волшебная лампа Аладдина и др.), обладает ни с чем не сравнимым обаянием. Любимые книги из тех, что написаны специально для детей, отражают, передают эту знакомую нам особенность детской мечты.

«Лягушки прошептали:

— Черепаха Тортилла знает великую тайну...

— ...Я даю тебе этот ключик. Его обронил на дно пруда человек с бородой такой длины, что он ее засовывал в карман, чтобы она не мешала ему ходить. Ах, как он просил, чтобы я отыскала на дне этот ключик...

Тортилла вздохнула, помолчала и опять вздохнула так, что пошли пузыри...

— Но я не помогла ему, я тогда была очень сердита на людей за мою бабушку и моего дедушку, из которых наделали черепаховых гребенок. Бородатый человек много рассказывал про этот ключик, но я все забыла. Помню только, что нужно отворить им какую-то дверь, и это принесет счастье...»(3)

Нетрудно множить примеры, которые доказывают, что «конкретно-магический» характер мечты об исполнении желаний типичен для детей «старшего дошкольного» и, хотя и в меньшей степени, «младшего школьного» возраста. Нетрудно множить примеры, которые доказывают, что эта особенность детского сознания обуславливает любовь детей к волшебной сказке и к тем произведениям литературы, в которых идеалы выступают в форме дет-ской «тайны». Но этого мало. Необходимо выяснить истоки «тайны», ее природу.

Истоки детской «магии» и магического в волшебной народной сказке, конечно, совершенно различны. Волшебная народная сказка возникла на вполне определенной социально-исторической почве. Герой волшебной сказки — «младший брат», «сирота», «Иван-дурак» в юмористических сказках и пр. — появляется в эпоху гибели родового строя, разложения общинной собственности, на смену которой

приходит частная собственность. «Младший брат» фантастическим путем, с помощью магии восстанавливал попорченную (с точки зрения родового коллектива) справедливость. Образ героя волшебной сказки генетически является идеализацией социально обездоленного. В магических же средствах достижения счастья нашли воплощение силы рода, поддерживающие героя. Всякая сказочная магия восходит к первобытным магическим представлениям, которые отражали бессилие первобытного человека в борьбе с природой и попытку преодолеть это бессилие фантастическим путем.

Истоки детской «магии» также находятся в социальной сфере, но только это — сфера социальных отношений детства.

В собственно детском возрасте (до 10–11 лет) взрослый играет решающую роль в жизни ребенка. Через взрослого (почти исключительно) происходит удовлетворение его потребностей. Взрослые стимулируют возникновение новых потребностей ребенка. Он еще очень далек от реальной самостоятельной власти над силами природы. Его мышление находится еще на первоначальных ступенях развития и не всегда способно к логическим операциям. Отношение детей к действительности, будучи в узком круге реальным и конкретным отношением познания, характерно в целом своей «фантастичностью» и неопределенностью. Так как исполнение желаний ребенка происходит в основном через посредство слова-просьбы, требования у взрослого, то власть его над явлениями действительности представляется ему в особой форме фантастики — «магической»: магия слова, магия желания, выраженного пронизательно, живо, конкретно...

Здесь, в этих психосоциальных и физиологических особенностях ребенка, и кроется «тайна» зеленой палочки, детской мечты — реальной и фантастической, конкретной и неопределенной.

Действенность идеалов народных сказок или рассказа Николеньки о «муравейных братьях», или «Золотого ключика» для детей заключается в том, что эти идеалы выступают в качестве, которое органично для детского сознания. И уж если мы хотим воспитать нормальных, а не старчески умных детей, не следует разрушать детскую «тайну» в литературе, пока потребности нормального развития не подскажут ребенку новую, качественно иную форму представлений о прекрасной, счастливой жизни. Это, в свою очередь, вызовет потребность в иных художественных формах.

Социальная специфика детства обуславливает не только характер представлений ребенка о прекрасном, но и место этих представлений в его сознании. Представление о прекрасном возникает в человеческом обществе как результат хотя бы частичного овладения действительностью.

Свобода ребенка от мотивов непосредственной пользы позволяет ему в заинтересованность вносить мотив привлекательности: нравится — не нравится, красиво — не красиво и т.п. Иначе говоря, отношение ребенка к действительности, являясь активным отношением освоения, имеет в целом **неутилитарный** характер. Сфера его эстетического отношения чрезвычайно широка. Социальная специфика детства определяет и тот факт, что **«доминантой эстетического отношения ребенка является прекрасное»**. К.И. Чуковский утверждал: «Все дети в возрасте от двух до пяти лет верят (и жаждут верить), что жизнь создана только для радости, для беспредельного счастья, и эта вера — одно из важнейших условий их нормального психологического роста»(4). Следует добавить, что эта вера составляет существенную сторону натуры ребенка вплоть до перехода его в отроческий возраст.

В детском возрасте происходит быстрое освоение сравнительно широкого круга явлений. Исключительную роль в этом процессе играет язык. Поэтому особенно важна воспитательная функция литературы. В ней язык выступает как средство синтетического художественного, научного, эстетического и других аспектов освоения мира. Однако опосредованность в целом отношения ребенка к действительности влечет за собой поверхностность его эстетического отношения. Открывая мир как радостное, полное красок, движения, звуков целое, как будто созданное для исполнения его желаний, ребенок еще неглубоко проникает в сущность прекрасного. Один из многих тому примеров — отношение ребенка к профессиям. В нормальном детстве оно лишено утилитарности. Основную роль играет эстетический момент (например, нравятся пожарные, моряки, милиционеры). Но оценка профессии пожарного как прекрасной касается еще только внешних ее атрибутов. Анализ героизма в профессии пожарного придет в отрочестве, а трудогового начала в ней — еще позже. Новый этап в развитии ребенка наступает тогда, когда он превращается в подростка. Но переход от детства к отрочеству происходит не мгновенно, последовательно. Не вдруг происходит и смена форм сознания.

Уже в младшем школьном возрасте новые обязанности, новая ответственность подготавливают качественный скачок в сознании ребенка. Резко ломаются и узкие рамки привычного дошкольного мира. На грани возрастов возникает переоценка прежних ценностей. Старая форма может наполняться новым содержанием. Эти процессы происходят и в сфере эстетических отношений. В литературе для детей они находят многообразное выражение.

В русской литературе для детей, может быть, наиболее глубоко переходные формы детского сознания уловлены и художественно воплощены Аркадием Гайдаром. «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове», созданная вначале как типично детское произведение, в повести «Военная тайна» приобретает новое значение как «жанр в жанре». В рамках реалистической повести сказочный жанр «Мальчиша-Кибальчиша» уже не может быть воспринят наивно. Он выступает как иносказание. Это — введение в жизнь, увиденную глазами подростка. Романтика, приключенческий сюжет «Военной тайны» и ее реалистическая основа делают произведение типичным для отрочества. Оно пронизано уже уходящей в прошлое «сказочностью» детского сознания: для стиля произведений А. Гайдара характерно соединение художественно воплощенных детских и отроческих форм эстетического сознания.

Сочетание достоверности, реальности — подчас комической реальности — и сказочного песенного раздолья находим и в эпизоде «Четвертого блиндажа», когда Нюрка поет песню «Ушел казак на войну» и рассказывает о погибшем отце.

Совершенно не обязательно, чтобы такое сочетание было свойственно характеру героя или только ему. Вся художественная ткань произведения заключает в себе этот «симбиоз» форм эстетического сознания, подводя читателя через знакомое и привычное переживание к новому, более глубокому и сложному. В еще более «снятом» виде детское видение действительности выступает в «Старике Хоттабыче» Л. Лагина. «Магическая» форма исполнения желаний здесь комически «погибает» в рационалистическом мире подростка. Комическая ситуация «Старика Хоттабыча» заключается не столько в столкновении отсталой старости с передовой молодостью, сколько в гибели детства в сознании подростка.

Заметим еще раз, что речь идет о вечной и сложной проблеме. Возрастные границы достаточно условны, изменчивы, они всегда в движении: одновременно и в индивидуальном плане, и в социальном, обобщенном. И все же, полагаем, есть основания согласиться с утверждением о «сказочном», или «магическом», качестве детского сознания; о «романтической» доминанте в отроческие годы; о преобладании «идеального», «возвышенного» в годы ранней юности.

Из сказанного, конечно, не следует, что каждое произведение для маленьких детей должно быть фантастичным, содержать «тайну», мотивы «магии». Все это нередко свойственно в той или иной степени и реалистическим произведениям для детей. Вспомним для примера классический рассказ Л. Пантелеева «Честное слово» или «Волшебное слово» В. Осеевой. Магия слова приближает многие произведения А. Гайдара к детям младшего возраста, хотя речь в них — о сложных социальных, нравственных проблемах, близких подросткам.

Реализм в литературе для детей закономерен. В определенной сфере детское восприятие реальных явлений даже ярче и подробнее, чем восприятие взрослого, хотя и не обладает большей глубиной. Но за пределами известного круга реалистическое видение мира неизбежно облекается в фантастические формы или сменяется фантастикой. Господство прекрасного, разумеется, не исключает других эстетических качеств в произведениях. Не говоря уже о комическом. Достаточно вспомнить трагический момент в «Мальчише-Кибальчише»... Речь идет о «доминанте», о типологическом свойстве произведения, что предопределяет к нему особый интерес детей, пока в их эстетических отношениях преобладает прекрасное, вера в силу магического, доминирует любовь, вера в радость как в свойство бытия.

Литература

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 14 т. / Л.Н. Толстой. М.: Гослитиздат, 1951. Т. 1. С. 380–381.
2. Там же.
3. Толстой А.Н. Золотой ключик, или Приключения Буратино / А.Н. Толстой // Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1960. Т. 8. С. 218–219.
4. Чуковский К.И. От двух до пяти. М.: Советский писатель, 1960. С. 50.

По вопросам приобретения книги Т.Д. Полозовой «О власти искусства слова и ценности Чтения» обращайтесь в Русскую школьную библиотечную ассоциацию по телефону: (495)788-10-50.